
Марина Ветрова ✦ Екатерина Свет
Измена мужа.
Ты украл мой проект и отдал любовнице моё место, но потерял всё!

Екатерина Свет

Измена мужа. Ты украл мой проект и отдал любовнице моё место, но потерял всё!

«Автор»
2026

Свет Е.

Измена мужа. Ты украл мой проект и отдал любовнице моё место, но потерял всё! / Е. Свет — «Автор», 2026

Мой муж получил престижную архитектурную премию за проект, который создала я. А потом подделал документы, отобрал мою работу и посадил любовницу за мой стол.Шесть лет брака, тысячи чертежей, бессонные ночи — всё досталось ему.Меня выгнали из собственного бюро, внесли в чёрный список и заставили поверить, что моя карьера уничтожена навсегда.Но однажды мне позвонил Дамир Аль-Рашид — влиятельный предприниматель, которому понадобился настоящий автор украденного проекта.Он обещал вернуть мне имя. Только почему ради меня этот холодный и расчётливый мужчина готов рисковать собственной империей?Муж думал, что я сломаюсь.Теперь ему предстоит узнать, чего стоит женщина, которой больше нечего терять.

© Свет Е., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Табличка 5
Глава 2. Служебная жена 8
Глава 3. Чёрный список 10
Глава 4. Чай с баранками 12
Конец ознакомительного фрагмента. 13

Марина Ветрова, Екатерина Свет
Измена мужа. Ты украл мой проект и отдал любовнице моё место, но потерял всё!

Глава 1. Табличка

Зал «Золотого фасада» пах чужими духами и дорогим шампанским, и я стояла у колонны в платье, которое надевала один раз — на собственную свадьбу, — и смотрела, как мой муж поднимается на сцену за мою премию.

Свет упал на Марка золотом. Он был красив — я всегда это признавала, даже когда перестала его любить: высокий, с идеально поседевшей на висках прядью, в костюме, который сидит так, будто сшит вместе с человеком. Он поправил микрофон, улыбнулся в зал — той самой улыбкой, от которой у жюри и у жен одинаково замирает сердце.

«Стеклянный сад», — сказал он. — «Этот проект родился из очень простой мысли: город задыхается, и я захотел подарить ему лёгкие».

Я хотела аплодировать. Я честно хотела — рука уже поднялась. Мой проект. Мои две тысячи чертежей, мои бессонные ночи, мои руки, которые дрожали над кульманом, когда я вырисовывала узор остекления, похожий на ветви яблони зимой. Я хотела аплодировать ему, потому что мы же одна команда, потому что он говорил мне: «Настя, в браке автор один, иначе жюри путается, но все всё знают. Ты и я — это ведь одно целое».

И тут я увидела табличку.

Золотую, нарядную, с гравировкой: «Марк Кременцов. „Стеклянный сад“».

Не «Марк и Настя Кременцовы». Не «бюро Кременцова». Просто он. Один.

Ладонь у меня стала ледяной. Шампанское в бокале пошло кругами. Я стояла и слушала, как зал гудит одобрительно, как мама Марка, Ирина Кременцова, в бордовом жакете поворачивается и ищет меня взглядом — находит — и улыбается. Улыбается так, как улыбаются победившей.

Аплодисменты. Марк целует статуэтку, смеётся, говорит что-то про «музу». Под прицелом прожекторов он находит меня в зале и посылает воздушный поцелуй. Зал умиляется. Кто-то рядом говорит: «Какая пара, посмотрите, какая пара».

Я не помню, как вышла. Помню только холод мраморного холла, как я прислонилась к колонне и дышала. Вдох на четыре счёта, выдох на восемь — меня учили, когда у меня перед экзаменом тряслись руки.

Дома пахло его кофе и моим остывшим чаем. Марк приехал через час, поставил статуэтку на полку — прямо туда, где стоял мой диплом с дипломной работой, диплом он постепенно сдвинул, я даже не заметила когда. Он был щедрый, весёлый, победительный. Налил мне вина.

«Ты сегодня была холодная, — сказал он, притягивая меня за талию. — Ревнуешь к статуэтке?»

«На табличке нет моей фамилии», — сказала я. Голос звучал отдельно от меня, ровно и глухо.

Он даже не помолчал. Вот что я запомнила на всю жизнь — он не помолчал ни секунды.

«Настенька. Ты же архитектор, ты понимаешь, что такое бренд. Моя фамилия продаёт. Твоя — пока нет. А внутри семьи мы всегда всё делим».

«Мы не семья, которой делится. Мы партнёры в бюро, у нас с тобой разные трудовые договоры».

У него дёрнулась щека — крошечное, на полмиллиметра, но я знала его лицо лучше, чем своё. Он отпустил мою талию и улыбнулся уже по-другому, холодно.

«Ты устала. Иди отдохни».

Я не пошла отдыхать. Я пошла в его кабинет — впервые за шесть лет просто взяла и вошла без стука, хотя он крикнул вслед: «Стой!» Папка лежала сверху стопки на его столе — «Стеклянный сад», полный комплект. Я открыла титульный лист.

Мою подпись затёрли. Не просто затёрли — подложили новую, переклеенную, и я сразу увидела шов: старая бумага вокруг чуть желтее, след клея под лампой. Под подписью — дата. Чужая дата, которой я ничего не подписывала.

Второй лист — ведомость передачи прав. Третий — письмо в премийный комитет от бюро: «Автор концепции — Марк Кременцов».

Телефон на его столе замигал. Сообщение. Я не хотела смотреть. Честное слово, я не хотела — рука сама.

«Кира»: *«Поздравляю, гений. Дождался. Сказала тебе же: моя фамилия будет в рамке лучше, чем её. Ты у меня молодец».*

И смайлик — улыбающийся, с языком. Я потом час стояла над этим телефоном, запоминая каждую букву. «Её». Не по имени. Просто «её» — как называют мебель.

Марк вошёл, когда я держала его телефон. Между нами было шесть шагов ковра, и я видела, как за эти шесть шагов его лицо прошло все стадии: испуг, ненависть и, наконец, то самое обаяние, которое он включал как свет.

«Это рабочая переписка, — сказал он. — Кира преувеличивает. Она пошлая девочка, она так шутит».

«А подпись? Шутка?»

«Подпись — это юридика, Настя. Ты никогда не любила юридика. Ты любишь чертить. Я и забрал себе всю бумажную грязь, чтобы тебя не трогать».

Он говорил плавно, мягко, шаг за шагом, и я чувствовала, как пол уходит у меня из-под ног, а он этого не замечает. Ему вообще было не интересно, что я чувствую. Ему было интересно, сколько я поняла.

«Завтра, — сказал он, — надо подписать кое-какие формальности по передаче служебных разработок, чтобы всё закрыть. Пойми, это защита. Твоя защита».

Ночью я не спала. Лежала и слушала, как он дышит рядом — ровно, спокойно, как человек, который всё продумал. В четыре утра я встала, собрала в сумку паспорт, телефон и три фотографии мамы. Не знаю почему. Наверное, тело раньше меня поняло, что дом кончился.

Утром он положил передо мной на кухонном столе папку. «Формальности, — сказал он. — Тут пара страниц, читаешь за минуту. Подпиши, и я заеду за тобой к семи, будем праздновать. Я всё для тебя устроил, ресторан, твой любимый столик».

Я читала. Я её читала — медленно, по строкам, я ведь не совсем дура, я же архитектор, у меня голова работает на цифрах и схемах. Но там был лес юридических оборотов, и каждый пункт ссылался на другой пункт, а страницы шли вразнобой, и я понимала, что меня держат за время: Марк смотрел на часы и постукивал пальцем.

«Мне на объект, — сказал он. — Решай. Или подписываешь, или ты враг себе и нашему дому».

Мы спустились вместе — я с ручкой в руке, до сих пор не помню, когда я её взяла. Лестница в нашем доме была тёмная, лампочка на втором этаже перегорела ещё на той неделе, я просила его вкрутить новую. Марк шёл на шаг выше меня.

Потом был толчок. Локтем, вскользь, будто он оступился, будто случайность, — но меня кинуло в перила, и я проехала по ним ладонью, и ступенька прошлёпала под ногой. Ручка папки хлестнула меня по костяшкам. Я села на ступеньку. Из ладони капало — содрана кожа,

выступила кровь, смешалась с чернилами на колпачке ручки, которая так и осталась у меня в пальцах.

«Господи, Настя! — он присел рядом, лицо у него было полное сострадания, я даже на секунду поверила. — Ты чего цепляешься за перила так? Лампочку, конечно, поменяю. Вот неаккуратная какая».

Папка лежала на ступеньке ниже, раскрытая, страница с местом для подписи глядела на меня белым прямоугольником.

«Подпиши, — мягко сказал он, — и поедем праздновать. Не порти нам вечер, Настенька. Ты же умная».

Я подписала. Пусть каждый, кто будет судить меня, сначала побудет на той тёмной лестнице с больной рукой и с шестью годами жизни, которые сейчас остроумно переписывались на другого человека. Я поставила подпись кривую, с разводом чернил и крови, и он забрал папку бережно, как берут новорождённого.

«Вот и умница, — сказал он и поцеловал меня в макушку. — Пойдём, я вызвал такси. Ресторан, твой столик. Настоящая женщина ведь радуется за мужа».

В ресторане он поднял тост за «новую страницу в жизни бюро». Ирина Кременцова, приехавшая с ними, подняла бокал и сказала мне через стол:

«Умница, что не выкаблучивалась вчера. Женская гордость — это красиво, но недолго. А семья — навсегда».

Я улыбалась. У меня получалось улыбаться всю ночь. Только дома, в ванной, я включила воду, села на край ванны и заплакала — беззвучно, чтобы не услышали. На ладони запястье уже наливалось синевой. Царапина от перил. Просто царапина, говорила я себе. Просто подпись. Просто чужая фамилия в рамке.

Статуэтку «Золотого фасада» Марк поставил в гостиной, на видном месте. Она блестела в темноте, как чужой глаз, и я лежала без сна и думала одну-единственную мысль: он посмеялся над тем, что я цепляюсь за перила.

Надо будет запомнить, как это бывает, когда цепляются за другое.

Глава 2. Служебная жена

Заявление о разводе я написала через девять дней. Ни один из этих дней Марк не сказал мне «давай поговорим» — он просто стал жить рядом как сосед, как арендатор, отсылаясь на совещания и улыбаясь телефону. Иногда его телефон лежал экраном вверх, и я видела имя «Кира» — и колючесть, и смайлики, о которых я потом могла бы рассказать целую лекцию: сердечко, сердечко, улыбающийся с языком, сердечко.

«Ты уверена? — спросил он, когда я положила заявление перед ним на завтрак. Он даже не поднял глаз от яичницы. — Подумай хорошенько. Бюро — наше общее, ты же понимаешь».

«Я подписала тебе проект, — сказала я. — Бюро оставляю себе».

Он тогда посмотрел на меня с лёгкой скукой, с какой смотрят на ребёнка, который утверждает, что умеет водить машину. И я узнала всё через три дня — в бюро.

Меня не пустила охрана.

Я стою на проходной своего собственного — моего! — бюро, где я проработала шесть лет, где у меня свой стул с отломанным уголком, мой кульман, моя банка с карандашами, где каждый станок знает мой запах, — и охранник Витя, которому я три года дарила на двадцать третье февраля носки, смотрит мимо моего лица.

«Настя Сергеевна, извините, — говорит он и краснеет. — Вам нельзя. Приказ».

«Какой приказ? Кто приказал?»

«Марк Аркадьевич. Список на проходе. Вы… — он замолкает, понижает голос: — Вы там как „нерасторжная супруга“, простите. Так и написано. В трёх экземплярах».

Нерасторжная. Я стояла и чувствовала, как это слово въедается под кожу, как клей под лампой. Так меня уже оформили. Пока я печатала заявление о разводе, юристы Марка уже оформили меня в документах — как приложение к нему. Как то, что от него не отрывается.

Меня всё-таки провели наверх — «за личными вещами, в сопровождении». Я шла по коридору, где на стенах висели дипломы бюро, в том числе мой, — и понимала, что иду как чужая, под конвоем молодого охранника, который смотрит в пол.

Мой стол уже освобождали. Не начинали освобождать — освобождали, начисто. На столе сидела Кира.

Она сидела на моём столе, болтая ногой, в короткой юбочке, и вокруг неё раскладывали её вещи: розовую подставку под телефон, банку леденцов, рамку с их с Марком фотографией с какой-то корпоративной вечеринки. Она даже не вздрогнула, увидев меня. Она ждала меня, вот что было страшно. Это была не случайность — это был спектакль, и я пришла на свой выход.

«Ой, — сказала она и приложила пальчики к губам. — Настя. А вам здесь уже нельзя, вам же говорили внизу».

«Это мой стол».

«Было твоё, — она мило улыбнулась. — Тут теперь проектный отдел „Стеклянного сада“, а у нас с Марком». — она положила ладошку на живот. Просто положила, плоский, девичий, в юбочке с завязочками. — «Семейное. Ну, почти».

Мир качнулся. Не потому, что живот — я уже ничего не ждала от него. А потому, что она говорила это на моём столе, на котором я чертила «Стеклянный сад» — по ночам, в выходные, в отпуске. И весь этаж притих и слушал, и кто-то в дальнем углу не выдержал и хихикнул.

«Поздравляю, — услышала я свой голос. Он был неожиданно ровный. — Ребёнку, когда родится, расскажи, что этот стол — тоже почти семейный. Я его об этом попрошу письменно».

«Ой, вы же такая гордая, — Кира спрыгнула со стола. — А чего вы добились гордостью? Фамилии вашей нет даже на папке».

Коробку с моими вещами мне собрали чужие руки. Туда же, мимоходом, кинули мой степлер и чашку. Мой кульман — старый, деревянный, купленный ещё мамиными деньгами на втором курсе, — куда-то унесли вдвоём, и я слышала, как он стукнулся о косяк, и мне крикнули: «Не переживайте, на склад поставим!»

Внизу, у выхода, меня догнал Павел Сойка — юрист Марка, сухой человек в очках с жидкой оправой, который всегда разговаривал со мной как с глухой, громко и по слогам.

«Настя Сергеевна, — сказал он. — Раз вы пошли по плохому сценарию, я обязан вам кое-что показать. В воспитательных целях».

Он раскрыл портфель и вынул лист. Я узнала его сразу — страницу из той утренней папки. Моя подпись. Кривая, с разводом чернил, моя рука, моя буква «Н» с характерным завитком, который я ставлю с детства.

«Передача служебных разработок, — сказал Сойка. — Подписано собственноручно. Все права, включая последующие изменения и производные произведения, принадлежат Марку Аркадьевичу. То есть, Настя Сергеевна, если вы завтра придумаете „Стеклянный сад“ заново — это уже будет не ваше. Юридически всё, что вы умеете, — это всё, что принадлежит ему. Таковы документы».

«Я подписала это с разбитой рукой через десять минут после того, как муж толкнул меня с лестницы».

«Свидетелей нет, — вежливо сказал Сойка и захлопнул портфель. — Лестница тёмная, перила старые. А вот подпись — есть. Подпись, Настя Сергеевна, всегда выигрывает у памяти. Память — это ваше. А подпись — это документ».

Я вышла на улицу. Был мокрый ноябрь, ветер шёл вдоль улицы и лупил мокрым снегом в лицо, и я стояла с коробкой моих шести лет и не могла вспомнить, где моя машина. Потом вспомнила — машины нет. Машину Марк оформил на бюро. Бюро оформило на Марка. Я оформила себя в нерасторжные.

Коробку я всё-таки донесла до дома — пешком, три остановки, снег лип к волосам. Дома Марка не было. Его вещей тоже почти не было — он уже перебрался «на время» куда-то, сообщив мне смской, что «нужно выдохнуть и не делать больно друг другу».

Я села на пол посреди гостиной, под статуэткой «Золотого фасада», которая блестела в темноте, и разложила коробку. Чашка. Степлер. Три карандаша. Фотография мамы. Всё остальное — чужое, нерасторжное.

В темноте я вдруг очень чётко поняла вещь, от которой стало холодно в животе: он не просто забрал проект. Он выстроил систему, где всё, что я сделаю дальше, будет принадлежать ему. Куда бы я ни шла, что бы ни чертила — юридически я теперь человек, который умеет только чужое.

И первой моей мыслью было — надо бежать из города.

Второй — а куда от подписи?

Крючок этого вечера висел на стене и блестел. Я смотрела на статуэтку и думала: он получил её девять дней назад. А я свою — никогда. И где-то глубоко, под страхом, под обидой, под тряской рук, заворочалось что-то тяжёлое и упрямое.

Ещё не злость. Пока ещё только нерасторжное.

Глава 3. Чёрный список

Первое собеседование было в среду. Константин, глава мастерской «Линия и объём», встретил меня в свитере с оленями, налил кофе и двадцать минут восторгался моим портфолио — тем, что у меня осталось, потому что основные листы «Стеклянного сада» теперь были юридически «служебной разработкой».

«Вы идеальны, — сказал он. — Честно. Такой глаз — раз в десять лет. Когда выходите?»

Я вышла от него на негнущихся ногах от счастья и до дома не дошла — позвонили.

«Настя, это Константин, — голос его стал другим, извиняющимся, залатанным. — Слушай, прости, я навёл справки. Тебе же говорил, что у меня ипотека. Ты пойми правильно, у нас с твоим мужем общие подрядчики, я не могу… Ну, сам понимаешь. Ты же умная девочка. Маленькая Настя, ты же понимаешь».

Маленькая Настя. Тридцать лет, два факультета, шесть лет практики — маленькая девочка, которая понимает.

Второе собеседование — в пятницу. Там даже не пригласили в кабинет: секретарша вышла в холл, сказала «нам очень жаль», и за её спиной я увидела на столе телефон, зажатый плечом, и лицо эйчар-директора, который слушал и кивал. Кивал хорошо, широко, как кивают, когда на том конце говорят люди с деньгами.

Третье — вообще молча. Прислали отказ через час после собеседования, в 18:40, с формулировкой «к сожалению, вакансия закрыта». Вакансия с ошибкой, потому что писали наспех, извиняясь ещё до отказа.

К концу недели их было шесть. Я вела список в блокноте — я по натуре человек списков, чертежи приучают: дата, контора, имя, реплика. Шесть строк. В четырёх из шести прозвучало одно и то же слово: «понимаешь».

Ты же понимаешь. Сама понимаешь. Ну, понимаешь.

Я понимала. Марк обзванивал рынок. Не всех — достаточных. Он звонил и говорил, наверное, своим обаятельным голосом: «Человек трудный, с психической нестабильностью после развода, я был бы плохим человеком, если бы не предупредил коллег». Или проще: «Я бы на вашем месте не связывался». Он не должен был никого уговаривать — достаточно было напомнить, что у него премия «Золотой фасад» и связи в совете, а у Константина — ипотека.

Съёмная комната, которую я нашла за два дня, была на пятом этаже без лифта, с хозяйкой Тамарой Львовной, которая показывала комнату, держа палец на кнопке домофона соседей — на случай, если я окажусь «из ненормальных». Двенадцать метров, кровать под потолком на антресолях, обои в цветочек, и на подоконнике — плеер. Чужой плеер, оставшийся от прежнего жильца.

«Его Лёха бросил, — сказала Тамара Львовна. — Можешь слушать, только батарейки свои».

Я лежала ночами на антресолях под потолком и слушала чужой плеер — там были чужие записи: чей-то концерт, чей-то стендап, записанный на шипящей ленте с обрывом на середине. Я слушала обрыв и думала: вот и у меня всё оборвалось на середине.

Планшет украли во вторник. Я оставила его на подоконнике Тамары Львовной сушиться — туда брызнуло из мойки, — а вечером подоконник был пуст. Тамара Львовна развела руками: «Видишь ли, Настенька, у меня дом с проходным двором. Это страховой случай не моей ответственности». На планшете были мои последние рабочие наброски — то, что я чертила по ночам, чтобы не сойти с ума. Три месяца работы.

А в четверг позвонила Лида — единственная, кто остался со мной на связи из бюро, девочка из смежного отдела, которая звала меня на кофе ещё с тех пор, как я пришла туда стажёром. Голос у неё был странный, быстрый, шёпотом:

«Настя, не езди сюда и мне не звони больше, ладно? Я только… короче, слушай. В кладовке на первом этаже, где твои вещи — кульман твой и коробки, — сегодня был пожар. Небольшой, локализовали, никто не пострадал, все так говорят. Электропроводка. Только я видела, во что сложили твои коробки. И видела, кто унёс канистру. И уволилась, пока говорю тебе это. Всё. Не звони. Береги себя».

Гудки. Я стояла посреди съёмной комнаты с чужим плеером в руках, и за окном дождило, и по трубам что-то глухо стучало.

Проводка. В той кладовке стояли мои оригиналы. Эскизы «Стеклянного сада» — те, что не вошли в «передачу служебных разработок» потому, что Марк не знал об их существовании. Мои рабочие тетради с датами. Всё, что могло бы когда-нибудь доказать, чья это была рука.

Он выжигал меня из собственной жизни. Аккуратно, методично, покомнатно. Сначала подпись, потом работа, теперь — прошлое. Через месяц не останется ни бумажки, где моя рука касалась «Стеклянного сада», и я буду просто злой бывшей женой с «психической нестабильностью», у которой вся память — это «ваше», а вся правда — это «документ».

Я не помню, как ту ночь прожила до утра. Помню, что вставала к раковине пить воду четыре раза и что чужой плеер на середине обрыва щёлкнул и замолчал навсегда — батарейка, моя, Тамара Львовна была права, батарейки свои.

Утром я составила список. Не отказов — действий. Первый пункт: найти работу вне архитектуры, любую, чтобы есть. Второй: не подписывать больше ничего никогда. Третий… третий я не успела дописать, потому что в дверь позвонили.

На пороге стояла девочка-курьер с конвертом. В конверте — письмо от юристов Сойки: «Уведомляем вас о необходимости освободить нежилое помещение по адресу…», — и адрес был не мой. Это был адрес бюро. Сойка уведомлял меня о выселении из бюро — бюро, в котором я проработала шесть лет, — на том основании, что я, цитирую, «не имеющая отношений к деятельности организации, зарегистрирована по иному адресу и проникает на территорию в отсутствие разрешения».

Они уведомляли меня о выселении из моей же биографии.

Я села прямо на пол в прихожей съёмной комнаты, среди коробок, которых у меня теперь было ровно три, и стала смеяться. Не весело. Так смеются, когда внутри что-то лопается от переполнения. Я смеялась и ревела одновременно, и в какой-то момент поняла, что пора — дальше уже по-настоящему плохо, — и стала одеваться. На улицу. Куда угодно. Хоть в ночной парк, хоть на набережную, хоть к чёрту на куличики.

Надо было как-то пережить эту ночь. А я ещё не знала, что она — последняя тёмная.

Глава 4. Чай с баранками

Идти было некуда, и я пошла туда, куда ходила всю жизнь, когда разваливалась: в ночной парк за институтом. Там были старые липы, аллея с фонарями через каждые сорок метров и скамейка у третьего фонаря, на которой я когда-то, студенткой, чертила эскизы на коленке. Парк был пуст, мокр, пах прелой листвой и холодной землёй.

Я села на свою скамейку. Достала блокнот со списками. И впервые за две недели позволила себе сказать это вслух.

— Он украл у меня премию. — Голос в пустом парке прозвучал чужо и громко. — Он украл мой проект. Он украл мою работу. Он сжёг мои эскизы. Он вычеркнул меня из профессии. Ему двадцать восемь лет врёт, что он автор. Ему весь зал аплодировал, а я стояла у колонны и аплодировала тоже, как дура, я аплодировала!

Я кричала. Честно кричала, в полный голос, в мокрые липы, и фонарь надо мной дрожал от моего голоса — или это у меня тряслись руки.

— Верни мне мою фамилию! Верни мне мою жизнь! Ты у меня попляшешь, Кременцов, слышишь, ты у меня ещё попляшешь!

Эхо вернуло мне «попляшешь» трижды, и стало почти легко, и я сидела, сопя носом, когда из темноты аллеи вышла Галина Викторовна.

Я знала её по бюро — она убирала там второй этаж, маленькая, сухая, седая, в неизменном сером платке, с тележкой, которая скрипела на третьем колесе. Она одна из всех во всём бюро называла меня по имени-отчеству. И ещё она делала вид, что не замечает, как я плачу в переговорке по пятницам.

Теперь она работала в башне «Аль-Рашид групп» — то самое высокое здание со стеклянным верхом, видное с набережной. Она рассказала мне это однажды, во время уборки: «Туда меня взяли, к новоселью. Хороший там народ, только тихий. Начальство — тихое, как снег».

— Настя Сергеевна, — сказала она, усаживаясь рядом со мной на скамейку без единого вопроса. Она сняла с плеча свою сумку, достала термос, две кружки и пакет с баранками. Действовала с той скоростью, с которой старые люди устраивают быт посреди любой катастрофы. — Пей. С сахаром. Здесь холодно, я тебе сразу сказала в то утро: не сиди в переговорке, там сквозняк.

— Галина Викторовна, я тут кричала. Вы слышали?

— Слышала. Хорошо кричала. — Она налила мне чаю. Пар пошёл в холодный воздух. — Я сама, когда меня жизнь била, ходила на задворки и кричала. Правда, у нас тогда за такое в вытрезвитель могли. А теперь — свободная страна, кричи.

Я пила чай. Он был приторный, слишком сладкий, обжигающий — самый вкусный чай в моей жизни, если не считать ещё двух, о которых я расскажу позже.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.